

Экран телефона мелькал оживленными сообщениями, но Янь Хану было не до них. Несколько отморозков уже развернулись в его сторону, двое из них направились прямо к нему.

— Больной, что ли? — бросил один из парней, сверля его взглядом.

— С сегодняшнего дня, — Янь Хан указал на главного героя, — он под моей защитой.

Парень, стоявший ближе всех, сперва опешил, а затем, словно услышав лучшую шутку за весь год, разразился хохотом. Остальные вслед за ним тоже зашлись в смехе. Янь Хан ничуть не обиделся — он и сам понимал, что фраза прозвучала довольно комично. Однако его главной целью здесь были вовсе не шутки.

Он, не колеблясь и не раздумывая, с размаху влепил парню пощечину.

— Малыш, если решил драться — не давай противнику шанса, иначе сам окажешься в невыгодном положении, — говаривал его папа-император.

И когда этот парень повалился к его ногам, на лице у него всё еще застывала улыбка. Ребята были молоды и горячи, и хоть вид товарища, рухнувшего на землю с улыбкой на лице, заставил их на секунду замереть, они быстро пришли в себя.

Янь Хан перехватил запястье того, кто замахнулся на него половиной бутылки. Крепко схватил, нажал на сустав, выкрутил. Когда папа обучал его этим приемам, у них не было ни тренажеров, ни манекенов — всё отрабатывалось вживую. Боль от руки, вывернутой за спину и отведенной в сторону, когда-то сделала его настоящим мастером боевых искусств.

Стоило ему вывернуть руку «отморозку номер два» и толкнуть его навстречу бегущему «отморозку номер три», как второй издал жалобный вопль. Крик был таким тоскливым, что третий даже глаза вытаращил от изумления. Янь Хан отпустил противника и пнул его в поясницу, отчего второй сбил с ног третьего.

Оставшиеся двое бросились вдвоем. Как учил папа, если противник лезет к тебе с распростертыми объятиями, не стоит ему отказывать. Янь Хан и не отказал: сперва впечатал кулак в живот правому, затем отмахнулся от «женских» ударов левого и с разворота вложил всю силу плеча — оба противника выбыли из игры.

Честно говоря, каждый раз, когда Янь Хану приходилось иметь дело с такими слабаками, чья боевая мощь стремилась к нулю, он чувствовал себя героем фильма о кунг-фу. Если бы не то, что эти ребята до этого постоянно пинали главного героя, он бы даже ноги не поднял. Пара пощечин, пара ударов — и готово. А тут пришлось пустить в ход и ноги. Когда парни поднялись с земли, они застыли на месте, ожидая, кто первым бросится в атаку, но, к несчастью, каждый из них надеялся на другого.

Сцена напоминала неловкое молчание на светском приеме, где незнакомцы испуганно переглядываются.

— Ладно, — наконец кто-то подал голос. — Погнали отсюда.

Они привыкли заирать героя, зная, что тот не даст сдачи, а теперь, столкнувшись с отпором, сразу потеряли весь боевой задор. И всё же, уходя, заводила напоследок решил сохранить лицо:

— Еще пожалеешь. Я тебя найду.

— И где собрался искать? — усмехнулся Янь Хан.

Тот лишь неловко на него уставился.

— Хочешь, оставлю адрес? — Янь Хан начал шарить по карманам. — У тебя бумаги с ручкой не найдется?

Эта провокация заставила парней, уже готовых отступить, вновь вспылать злостью. Они начали засучивать рукава, собираясь броситься в драку снова.

— Что творите! Совсем ошалели? — раздался громкий женский голос. — Твари вы эдакие, ни стыда ни совести!словно из подворотни вылезли, неучи проклятые...

Парни замерли. Выражение их лиц сменилось с ярости на безразличность и отвращение. А продолжение тирады было таким, что даже Янь Хан, выросший среди самых грубых скандалистов, едва мог это выслушивать.

Он обернулся и увидел старушку с ослепительно белым лицом и копной мелких кудряшек. Похоже, на лице было столько пудры, что она не пожалела и красок для бровей. Впрочем, макияж вызывал у Янь Хана куда большее желание сбежать, чем сама брань. Старушка, вероятно, красилась вслепую: левая бровь начиналась от переносицы, наискосок пересекала лоб и тянулась дрожащей черной линией к виску, а правая, лишившись пространства, начиналась у самого излома и после короткого подергивания бесславно заканчивалась.

Этот сюрреалистичный вид ввел Янь Хана в ступор, и он никак не мог оторвать взгляд от её бровей.

— Чего уставился? У тебя что, глаза особенные, а у остальных — дырки в голове? — взвизгнула старушка, вскинув свои асимметричные брови.

Только тогда Янь Хан заметил, что отморозки разбежались, а на месте остались только он и главный герой. Не успел он прийти в себя и решить, уйти или остаться, как внимание старушки переключилось.

Она ткнула пальцем в стоявшего рядом героя:

— На себя посмотри, никчемный ты ребенок!

Герой не посмотрел на неё и не ответил. Он закинул рюкзак на плечо и собрался уходить.

— Куда собрался! — рявкнула старушка, хватая его за руку. — Я с тобой разговариваю, оглох что ли?

Герой по-прежнему молчал, только пятился назад, пытаясь высвободиться.

— Опять в неприятности вляпался? — голос у неё был зычный. Прохожих в это время было немало, и они с любопытством глазели на происходящее, но старушке было наплевать на толпу.

Янь Хан хотел уйти, но вспомнил, что только что объявил того «под своей защитой». Сбежать, как только появилась какая-то бабка, выглядело бы некрасиво. Пришлось остаться.

— Тряпка! Я после обеда пойду к учителям! К директору пойду! Что за безобразие! — вопила старушка. — Я их так отчитаю, что на колени передо мной упадут!

Янь Хан передумал. Решил уйти — завтра защитит, если что. Стоять здесь было невыносимо. Он развернулся, достал телефон и увидел, что на экране в мессенджере сплошной лентой тянутся многоточия.

Он вышел из трансляции и спрятал телефон в карман. Перед тем как перейти дорогу, он взглянул на героя и с удивлением заметил, что вечно спокойное выражение лица того вдруг сменилось — брови сдвинулись.

Янь Хан быстро перешел улицу и вернулся домой. Но, оказавшись в квартире, он всё равно подошел к окну и выглянул наружу.

Старушка, должно быть, бабушка этого парня. Видимо, у неё поистине редкий дар: если уж даже она смогла вывести из себя того, кто невозмутимо терпел издевательства, то с её «бровистыми гусеницами» мало кто сравнится.

Через пять минут крики, которые были слышны даже сквозь закрытое окно, наконец стихли. Главный герой всё еще стоял на прежнем месте, выглядя слегка подавленным, но смотрел прямо в сторону дома, молча уставившись на окна.

Янь Хан перемахнул через подоконник и прыгнул вниз — только после этого он вспомнил, что вообще-то есть дверь. Вот уж ошарашила его эта старуха.

Он медленно пересек улицу, подошел к герою и остановился, снимая маску. Только теперь он смог как следует разглядеть паренька. Невысокий рост, конечно, одна из причин, почему его обижают, но в целом черты лица приятные, особенно если сравнивать с той бабушкой.

— Ищешь меня? — спросил Янь Хан.

Герой взглянул на него и промолчал.

— Мои слова в силе, — Янь Хан указал на дом за спиной. — Я живу там, на первом этаже. Если что-то случится — обращайся.

Герой снова посмотрел на него, улыбнулся, но по-прежнему ничего не сказал. Эта улыбка сбивала Янь Хана с толку: в глубоких черных глазах светилось спокойствие, словно ничего из произошедшего его не задело. Или, может, он к такому привык?

— Как тебя зовут? — спросил Янь Хан.

Герой смотрел на него всё так же молча, словно забыл собственное имя. И когда Янь Хан уже подумал: «Да пошло оно всё, какая еще защита», — и собрался уходить, тот с трудом выдавил:

— Чу... Чу... Чу И.

— Что? — Янь Хан опешил. Заикание, вероятно, вторая причина его бед, а может, к ней прибавлялась и умственная отсталость. — Я спрашиваю, как тебя зовут, а не в каком ты классе.

— Вто... второй год, — ответил герой.

Янь Хан смотрел на него. Тот смотрел на Янь Хана. После долгого молчания Янь Хан наконец поймал волну и вздохнул:

— Понял. Тебя зовут Чу И, ты учишься во втором классе средней школы, так?

— Угу, — Чу И кивнул, словно гора с плеч свалилась.

— Те, что были раньше — твои одноклассники? — спросил Янь Хан.

— Угу, — снова кивнул Чу И.

<http://bllate.org/book/18095/1747607>